

НА ПУТИ В КАРГАЛУ

Павел Георгиевич Рыков родился в Москве в 1945 году. Окончил Московский государственный институт культуры. С 1988 по 2012 год руководил Государственной телерадиокомпанией «Оренбург». Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей России. Лауреат многих международных и российских премий в области радио и телевидения, премии им. В. Правдухина альманаха «Гостинный Двор» (2010), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2012, 2017), Губернаторской премии Оренбургской области «Оренбургская лира» (2016), областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2016). Живёт в Оренбурге.

Действующие лица

1. Ахмед-бай Хусаинов — купец, общественный деятель в старости.
2. Братья: Ахмед, Махмуд, Гани в молодости и в зрелые годы.
3. Аиша — невеста и жена Ахмеда в молодости.
4. Аиша — жена Ахмед-бая.
5. Мать.
6. Мустафа — домоправитель, друг Ахмед-бая.
7. Имам.
8. Гость из Берлина.
9. Габдулла — купец.
10. Нургали — предводитель степных разбойников.
11. Генерал.
12. Фатима — кухарка в доме Хусаинова.
13. Мадина.
14. Лейла.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

На сцене у одного из порталов стол. На нём песочные часы, счёты-абак, керосиновая лампа под красивым белым абажуром. Рядом два кресла.

Появляется герой пьесы Ахмед-бай Хусаинов. Он стар, немощен, согбен, походка шаркающая. Подходит к столу, садится, встряхивает счёты, начинает что-то подсчитывать.

АХМЕД-БАЙ (переворачивая песочные часы; он будет это делать на протяжении всего спектакля, наблюдая, как сыплется песок в часах). Занятная штука эти часы. Какой мудрец их выдумал? На этих вот часах (достаёт из кармана часы на цепочке) ход времени не углядишь. А здесь оно на глазах утекает. И не остановишь. Сказано: «Не сдвинется нога человека в Судный День, пока не будет спрошен он о четырёх вещах: о его жизни и как он провёл её, о его молодости и как он использовал её, о его имуществе и как он приобрёл и на что потратил его, о его знании и что он совершил с помощью него». Настало время счёт подводить, Ахмед-бай? Или рано? Нет, не рано. Хотя кому это дано знать? Только Аллаху, милостивому и милосердному. Но на всякий случай... А то... шёл сейчас по лестнице. Каждая ступенька — как гора. Пожалуй, пора... Итак, баланс жизни в рублёвом исчислении: один

миллион 600 тысяч рублей (откладывает костяшки на счётах) нажитого капитала... Богатый ты человек стал на закате дней, Ахмед! Ой, какой богатый! Денег хватит ли в раю тёплое место купить? Думают некоторые, что там, как в караван-сараяе, цены обозначены... Принесут тебя на тобуте. А там уже ждут не дождутся от тебя оплаты за место в раю. Чай из райских трав заварен, чак-чак на блюде гурии подают. Только плати. Кстати! Лампа ярко как горит. Сколько керосина жжём напрасно. (Прикручивает фитиль.) Видно, этот расточитель разорить меня хочет... Мустафа! Эй, Мустафа! Ты слышишь меня?

МУСТАФА. Слышу, Ахмед-абый. Бегу, Ахмед-абый! (Из кулисы появляется Мустафа — такой же старый, как Хусаинов.) Бегу-бегу! (Сам еле идёт с подносом в руках, на подносе пиалы и заварной чайник.) Вот, как ты просил, заварил. Заварка хорошая. Индийская, чайнка к чайнке...

АХМЕД-БАЙ. Мустафа! Ты зачем фитиль лампы всю выкручиваешь, дорогой мой? Керосин денег стоит. И немалых. Его вон откуда везут! Из самого Баку.

МУСТАФА. Ахмед-абый, чего его жалеть? Скоро керосин не понадобится совсем. Даже мечеть будем освещать экс-лекстрик-чекст-вом — слово какое-то не татарское, за язык цепляется. Улицу уже освещают по вечерам.

АХМЕД-БАЙ. Видел это чудо. И не только в Оренбурге. Ещё раньше в Москве. И в Лондоне, и в Берлине, и в Казани. Но ты мне зубы не заговаривай. Скоро и ездить будем на электричестве. Вместо лошади будем запрягать какого-нибудь электрического ишака — к тому дело идёт. Его и погонять не надо. Но электричество везде за деньги немалые. А каждая копейка у льва в пасти. Лампа час горит попусту, пока меня здесь нет. Каждый день по дому — на пятиалтынный расход керосина. Чистый убыток! Ты разорить меня хочешь?

МУСТАФА. И в мыслях не держал... Такой великий, такой богатый человек! Как можно такое хотеть! За тобой, когда проезжаешь, всякий прохожий на улице вслед с уважением смотрит. И если бы только татары. И русские, как один! И городовые — ты ещё не проехал, а они уже честь отдают! Да что городовые... Сам губернатор, пошли ему Аллах всяких милостей от царя-батюшки, всегда со всем почтением. Хоть и немец, а понимает, с кем дело имеет...

АХМЕД-БАЙ. Полно меня возвеличивать! Ты знаешь, что в Коране сказано: «Не ходи по земле горделиво. Ты не просверлишь землю и не догонишь горы ростом». А чай как заваривал?

МУСТАФА. Две щепотки на чайник.

АХМЕД-БАЙ. Я же говорю, разорить меня хочешь! Одной щепотки довольно...

МУСТАФА. Аллахом клянись... Да я... да вообще... Ты внука моего Ильяс в хадж отправил. Четыреста рублей в дорогу дал — да ещё по триста рублей на два года в Египет на обучение. Вернётся, Ильясом-хаджи, имамом станет, учителем будет. Мне лучшая награда за моё услужение. Век за тебя Аллаха молить будет!

АХМЕД-БАЙ. Положим, я не за твоё услужение деньги дал. А потому, что шакирд Ильяс первым в медресе по учёбе. И поведения примерного. А чай хорош! Но заварки всё равно многовато.

МУСТАФА. Мне позволено уйти?

АХМЕД-БАЙ. Погоди. Присаживайся. Себе тоже наливай. (Берёт в руки песочные часы, разглядывает, как текут песчинки.) Вот мы с тобой можем спокойно посидеть, чай попить. А время, гляди, — бежит и бежит. И вспять никогда не движется. Как думаешь, почему?

МУСТАФА. На такие раздумья много времени требуется. Сколько его у меня осталось? Кончится, как этот песок. А оно продолжит течь. Но это будет уже не моё время. Но на такие вопросы только Аллах ответ знает.

АХМЕД-БАЙ. Тебе бы хадисы писать, Мустафа... Только керосин и заварку не экономись... (Прислушивается.) Слышишь? Поют... Да весело так... кому бы петь сейчас у нас в доме?

МУСТАФА (прислушивается). Тихо. Некому петь в такой

поздний час. Может, опять метель начинается... У меня сегодня спина отваливается, и голова, как пустой котёл, из которого плов до последней рисинки выгребли, — гудом гудит.

АХМЕД-БАЙ. Ступай-ступай. Понадобишься — позову.

Мустафа, шаркая ногами, уходит. По мере того как он уходит, начинает проявляться из тёмной глубины сцены площадка. На ней трое молодых ребят ходят по кругу, как бы приплясывая, и поют весёлую песню. Они вымешивают кизяк.

АХМЕД-БАЙ. Я же говорю — поют. (Встаёт из-за стола.) Эй, ребята! Чего распелись?

АХМЕД. Кизяк месим, досточтимый.

АХМЕД-БАЙ. Кизяк? У меня в доме? И поёте? Чего ради?

АХМЕД. Для себя месим, абый! (Продолжая движение.) Намесим, наставим горкой, насушим. Зимой тепло в доме будет. Потому и поём. Можем и тебе наделать, уважаемый. Нанимай. Мы лишнего не просим, в Каргале многим намесили. За плату, конечно. Трое нас, братьев: Махмуд, Габдельгани и я. Меня Ахмедом зовут. А дом этот наш, и мы в этом доме живём...

(Продолжают работу, поют.)

МАХМУД. Из навоза деньги делаем. И что интересно, абый: навоз пахнет, а деньги не пахнут, наверно, потому что навоз от коровы, а деньги — дело цар-

ское. Не может же царское дело навозом пахнуть... Или может?

ГАНИ. Ох, доведёт тебя, Махмуд, твой язык до места, где берёзовой кашей пахнет.

АХМЕД-БАЙ. Аллах милосердный! Это же мой дом. Как же это? Где я? Я здесь, в городе... А здесь — Каргала. Дом и вправду наш... А парень этот кто? Выходит, это я? Себя самого, молодого вижу... Ума можно лишиться! И Махмуд — всегда с шуткой-прибауткой. И Гани — сроду не улыбнётся по пустякам. Умер я, что ли? Мустафа!

МУСТАФА. Ахмед-абый, вот он я...

АХМЕД-БАЙ. Ущипни меня: живой я или нет?

МУСТАФА. Я разве посмею! Слава Аллаху, живёхонький!

АХМЕД-БАЙ. Тогда кто эти ребята, что месят кизяк и поют?

Пение и движение как бы замирают.

МУСТАФА. Кто поёт? Какие ребята? Декабрь на дворе. Снег повалил. Ветер поднялся. Никого чужих в доме нет. Ты устал. Приляжешь, может.

АХМЕД-БАЙ. Значит, почудилось...

МУСТАФА. Ах, шайтан-погода! Что с человеком делает... (Уходит.)

АХМЕД-БАЙ. Нет, не почудилось. Поют ребята.

Появляется немолодая женщина. Это мать Ахмед-бая.

МАТЬ. Мальчики, передохните, я лепёшек напекла.

АХМЕД-БАЙ. Мама...

АХМЕД. Досточтимый! Угосцайтесь. Мама лепёшки вкуснее всех в Каргале печёт.

МАТЬ. И молока... Козье! Махмуд, подай абью пиалу.

АХМЕД-БАЙ. Мамины лепёшки... Сколько десятков лет прошло, как я их в последний раз отвеदывал.

МАТЬ. Вы уж извините, уважаемый, муку я с отрубями мешаю. Люди мы бедные. Может, вы к другому хлебу привыкли. Мой невкусным покажется.

АХМЕД-БАЙ (самому себе). Бывает ли хлеб мамин невкусным... Нет-нет... Большое спасибо. (Целует лепёшку.) Можно я её с собою возьму? Дорога мне предстоит дальняя...

МАТЬ. Конечно-конечно. Возьмите, уважаемый, вот чистая холстинка.

АХМЕД-БАЙ (заворачивает лепёшку в холстинку и прячет за пазухой у сердца). Тёплая... Душу согревает.

МАТЬ. А вы, уважаемый бай, мне кого-то напоминаете. Лицо вроде бы знакомое. Вы уж извините... Вы наш, каргалинский?

АХМЕД-БАЙ. Когда-то давно бывал здесь... Проездом...

МАТЬ. Значит, обозналась... а всё равно кажется, будто родное что-то.

Свет гаснет на сцене, растворяются во тьме ребята и мать.

АХМЕД-БАЙ. Привидится же такое... Мустафа! (Входит Мустафа.) Кто сейчас со мной говорил? Откуда женщина в доме?

МУСТАФА. Ахмед-бай, госпожа Аиша, жена твоя, уже поживать отошла. Фатима на завтра стряпает. Резеда, прачка, заканчивает с бельём возиться. Гульнара, что убирает, полы моет. Но они на женской половине. А пришёл с поклоном имам Фатых из той мечети, что весной закончили с твоей помощью строить в Халилово. Пустить?

АХМЕД-БАЙ. Если по такой погоде добрался, значит, невтерпёж. Приглашай. Надо же... привиделось, будто я у себя дома в Каргале побывал. Себя молодого повидал, с мамой разговаривал. Привиделось... (Лезет за пазуху, достаёт лепёшку, завернутую в тряпицу.) Но лепёшка — вот она, всё ещё тёплая...

Входит имам.

ИМАМ. Салам алейкум, досточтимый Ахмед-бай.

АХМЕД-БАЙ. Салам, салам. Как добрался по такой погоде?

ИМАМ. Слава Аллаху, достиг цели.

АХМЕД-БАЙ. Всё ли благополучно в доме? Здоровье в порядке? Коровы в запуске? Овцы? Волки не навещают ли по ночам? Места у вас лесные...

ИМАМ. Слава Аллаху.

АХМЕД-БАЙ. А мечеть?

ИМАМ. Люди не нарадуются. Спасибо велели передать огромное. Низко кланяются.

АХМЕД-БАЙ. Тепло ли в мечети?

ИМАМ. Кизяк запасли, сухостоя в лесу смогли насобирать... Полы вот только холодные. Я что пришёл — в Гостином дворе, в твоём магазине, ковры увидел хорошие. Приказчик говорит, с Афганистана привезены. Пощупал — плотные. То, что надо. Один в общем зале настелем, где мужчины намаз совершают. А тот, что поменьше, — за занавеской, куда женщины молиться заходят. Прикажи, чтобы оказали помощь, без денег отпустили.

АХМЕД-БАЙ. Всё?

ИМАМ. Всё, благодетель!

АХМЕД-БАЙ. Скажи, досточтимый, мектеб при мечети открыл?

ИМАМ. Как же, как же... Сорок ребят... Морозит, а они бегут наперегонки на учёбу. Любо-дорого смотреть...

АХМЕД-БАЙ. А что преподаёшь?

ИМАМ. Коран заучиваем. Арабскую письменность стараемся постигать.

АХМЕД-БАЙ. Похвально, похвально! В Коране сказано: «Читай во имя твоего Господа».

ИМАМ. Сура 96-я, первый аят. Правильно говоришь, Ахмат-хаджи.

АХМЕД-БАЙ. А русскому языку учишь?

ИМАМ. Деревня наша татарская. Зачем русский? Дома все по-татарски говорят.

АХМЕД-БАЙ. У вас в пяти верстах мордовское село. А волостное село — там ярмарки, исправник, больница — чисто русское, а за рекой немцы-колонисты поселились. К соседям ехать — толмача нанимать? А насчёт ковров... (Берёт в руки счёты.) На мечеть денег я дал — это раз... (Щёлкает на счётах.) А сколько в деревне дворов? Мне помнится, сто двадцать. Село богатое. (Откладывает на счётах костяшки.) Овец держите, значит, стрижёте. Вот пусть в каждом доме навалют кошму, будет чем пол застелить. Ограду, дорогой Фатых, ты и сам с божьей помощью осилишь. У тебя и коровы, и лошади есть. Сколько голов-то?

ИМАМ. Коров двенадцать, все стельные, слава Аллаху! Отдаиваются сейчас. К марту отёл ждём. Быков два. И нетели есть, и бычки-полуторники. Все в стойлах.

АХМЕД-БАЙ. А лошадей?

ИМАМ. С десятка полтора. Тебенюют.

АХМЕД-БАЙ. И лавку ты держишь по-прежнему...

ИМАМ. Да.

АХМЕД-БАЙ. Молодец! Ничего мимо рук не пропускаешь. Могу я, конечно, деньги на ограду железную дать и ковры бесплатно пожертвовать...

ИМАМ. Вот спасибо, Ахмед-абый! Аллах тебя не забудет!

АХМЕД-БАЙ. А завтра ты попросишь: Ахмед-абый, и молитву прочти вместо меня. А то некогда, у коров отёл начался, в лавку новый товар привезли...

ИМАМ. Ой, понял-понял! (Низко кланяясь.) Удаляюсь. (Пятясь, уходит.)

МУСТАФА (входя). Чего это он? До самой входной двери пятился да кланялся.

АХМЕД-БАЙ. Может, обронил рубль по дороге. Искал, чтоб поднять. Ну, ступай.

(Мустафа уходит.)

АХМЕД-БАЙ. И лепёшка привиделась... Нет... (Отламывает кусочек, кладёт в рот.) Как в детстве! А бывало, ещё по весне, когда мука на исходе, мама даже с лебедой замешивала тесто. Отец-то широко гулял да прогулял всё, что было. Да и сам себя потерял. И остались мы одни с мамой. Но что с женщины взять? Я за старшего. Рыбу в Сакмаре ловил — продавал, кизяк месили, дрова пилил-колол, скотину пас общинную. Сусликов в степи выливал. Меня за это ребята Сусликом прозвали. От отца и рубля не осталось. Работал-работал. Пять рублей накопили. Как сейчас помню: бумага мятая. На просвет посмотришь — орёл двуглавый на знаке водяном. А что написано, не понимаю. Буквы русские. Да я и по-арабски писать-читать так и не научился. Некогда было учиться. Не дал Аллах разума к тому же...

Четыре года в школу ходил, а всё без толку. Там одно учение: заучивай наизусть аяты. А писал, будто таракан из чернильницы выбрался и по бумаге пробежал. И началась моя настоящая школа

так. (Шагает вглубь сцены, а там тележка с ручками.) От отца — старший тулуп, от меня с братьями — скопленные пять рублей. Накупили на них разных разностей и повезли торговать. (Нараспев.) А кому шурум-бурум, правверные, — цены невероятные? Нитки-иголки, прочные и колкие! Ленты и гребни кому потребны? Налетай, времени не теряй! Товары народу — всякого рода. Товар из города — прямо к дому и недорого. Прибыли почти никакой, а всё же с первой поездки сахар купил и в дом привёз. Всего-то несколько кусочков колотого. Горсточка. Вот был праздник-то.

Появляется мать.

МАТЬ. Дети, дети! Сегодня, слава Аллаху, чай будем сладкий пить. Я балиш испекла. Мойте руки.

Появляются молодой Ахмед и братья.

АХМЕД. Братья, что я надумал: давайте походим по дворам, поспрашиваем шкуры козы да овечьи, что после забоя скота остаются. Их задёшево брать можно.

МАХМУД. Э, брось! Что нам с ними делать? От мяса на них даже запаха не осталось.

ГАНИ. Пустое ты, брат, придумал. Торговля — вот дело верное. Сам Пророк торговцем был вначале.

АХМЕД. Нет, не пустое. Торговля — дело хорошее. Только велика ли прибыль? Ходили мы, ходили, торговали вразнос, а работали за полгода всего шестьдесят пять рублей, восемь гривен и две полушки.

ГАНИ. Целых шестьдесят!

АХМЕД. А сапог сколько истоптали? А дёгтя извели — колёса у тележки смазывать! Всё счёта требует. Производством надо заниматься, братья. Я секреты выделки козых шкур вызнал у одного мастера. Он в Скорняжном переулке живёт, на Аренде. Если взяться за дело, а потом из шкур шить безрукавки да подушечки, чтоб за дастарханом удобно было сидеть, — их у нас с руками отрывать будут.

ГАНИ. Можем на соперников нарваться. Побьют. Товар отнимут.

АХМЕД. Если вместе пойдём да Мустафу с собой возьмём, кто посмеет.

МАХМУД. Ты старший. Тебе виднее. Давай попробуем.

АХМЕД-БАЙ (усмехаясь). Умный я всё-таки был тогда. Как в воду смотрел. Однако пора и ко сну. (Молится.) Он, Аллах, един, Аллах вечен... (Задует лампу, перевернув предвзвешенно песочные часы.)

И сразу утро.

МУСТАФА. Ахмед-бай! С утра пораньше гость. Ва-а-ажный такой, сердитый. Говорит по-непонятному.

АХМЕД-БАЙ. Поговорим и по-непонятному, если о деле... Зови.

Входит визитёр. Одет по-европейски.

ГОСТЬ. Гутен морген, герр Ахмед!

АХМЕД-БАЙ. Исянмесез!

ГОСТЬ. Шпрехен зи дойч?

АХМЕД-БАЙ. Сез татарча сойлэшэсезме?

ГОСТЬ. Нихт ферштейн!

АХМЕД-БАЙ. А по-русски?

ГОСТЬ. Таки что бы вы хотели, я и по-русски тоже могу...

АХМЕД-БАЙ. Вы, милейший, откуда ко мне?

ГОСТЬ. Я не откуда-нибудь, а из самого Берлина.

АХМЕД-БАЙ. По-русски говорите, а утверждаете, что из Берлина.

ГОСТЬ. Таки что? Если из Берлина, уже по-русски слова и сказать нельзя? В Берлине можно говорить на любом языке, не как здесь, в этой России. Вообще-то, я родом из Бердичева, но теперь германский подданный. Вот мой паспорт.

АХМЕД-БАЙ. Присаживайтесь. Паспорт ваш мне ни к чему. Я по вам вижу, что вы из далёких мест. А ко мне, бедному русскому татарину, по каким делам прибыли?

ГОСТЬ. Данке. По шерстяным.

АХМЕД-БАЙ. По шерстяным? Слушаю.

ГОСТЬ. Меня уполномочили

задать один вам вопрос, господин Хусаинов.

АХМЕД-БАЙ. Задавайте.

ГОСТЬ. И вы мне уже ответите честно?

АХМЕД-БАЙ. Всегда отвечаю честно.

ГОСТЬ. Я уполномочен от имени всей германской сукновальной промышленности спросить: где шерсть, господин Хусаинов?

АХМЕД-БАЙ. Какая?

ГОСТЬ (вскакивая с кресла). И вы ещё спрашиваете, какая! Это же, я вам скажу, вопрос из вопросов. Та самая овечья шерсть, из которой в Германии делают сукно для шинелей доблестным германским солдатам, которые победили даже французов и теперь самые победительные в Европе, заметьте! А шерсти нет. Ни здесь, в этой России, ни у монголов, ни в даже Китае. Таки нигде нет. И везде показывают в вашу сторону пальцем. И меня таки уполномочили от имени всей германской промышленности спросить: почему пальцем все указывают в сторону Оренбурга, у всех на зубах скрежещет только одно имя — Ахмед Хусаинов?

АХМЕД-БАЙ. Потому что я закупил всю шерсть этого года и в России, и в Монголии, и в Китае. Загодя. И платил людям хорошие деньги. Они потому продали именно мне. Да вы присаживайтесь. Русские говорят: в ногах правды нет. А мы, татары, говорим: начар баш аякларга тынычлык бирми.

ГОСТЬ. Это перевод?

АХМЕД-БАЙ. Почти дословный.

(Гость вновь присаживается.)

ГОСТЬ. Но какой расход! Кредит в банке взяли? В каком?

АХМЕД-БАЙ. Капитала своего хватает. А у банка кредит брать — банкиры жирные проценты берут. А мы люди небогатые...

ГОСТЬ. Но почему так? Нас не пригласили, не дождались? Мы бы и с капиталами помогли, в Германии банки надёжные, и со стрижкой и вывозом шерсти.

АХМЕД-БАЙ. Некоторые стригут так, что вместе с шерстью и кожу заживо с овечки снимают. Цена, которую вы давали, была всем в убыток. Да ещё требовали комиссию себе сверх всего от нас — и немалую.

ГОСТЬ. А что бы вы хотели, господин Хусаинов! У каждого свой гешефт.

АХМЕД-БАЙ. Вот-вот! Задёшево скупали шерсть, а затем в Россию втридорога сукно поставляли.

ГОСТЬ. Но это таки германское сукно!!! Или нет? (Вскакивает.) Германия поставляет лучшее в Европе сукно. Я скажу: у меня в Бердичеве остался дядя. Так он шьёт себе лапсердак только из лучшего чёрного германского сукна. Только из него, я вам скажу! А вы говорите... И сколько же будет теперь ваша цена за вашу шерсть, господин Хусаинов?

АХМЕД-БАЙ. Против прежней, которую я вам выставял

в прошлом году, на сорок пять процентов больше.

ГОСТЬ (вскакивая). Но это же не по-европейски такая торговля!

АХМЕД-БАЙ. Откуда же здесь европейской взятся? Тут Азия рядом. Урал переехал — и вот она, Азия до самого Китая. Да и год выдался не из лучших. Мал настриг.

ГОСТЬ. Я должен телеграфировать в Берлин! Сорок пять процентов! Неслыханно!

АХМЕД-БАЙ. Конечно-конечно! Полностью с вами согласен, господин из Берлина. Кланяйтесь тем, кто вас ко мне направил. Извините, что чаем не угостил. Заварка вздорожала неимоверно. Сам чистую воду пью. Даже самовар не кипячу: дрова тоже кусаются. Мустафа, проводи дорогого гостя. Хуш!

ГОСТЬ. Что вы сказали такое?

АХМЕД-БАЙ. Ауф видерзеен.

ГОСТЬ. Ауф видерзеен. Немыслимая цена, немыслимая!

АХМЕД-БАЙ. Бехетле юл! Кланяйтесь всем в Германии. (Переворачивает песочные часы.) Сколько времени отнял... Германский поданный!

МУСТАФА. Кончилась метель, Ахмед-абый. Подмораживает. Ни облачка на небе. Одни звёзды. Сколько их! Считай — не пересчитаешь.

АХМЕД-БАЙ. Звёзды не деньги. Зачем их пересчитывать?

Это деньги без счёта жить не могут! Попробуй только перестать их считать. Они сразу превратятся в простую бумагу. Мы, люди, порой странные вещи творим, а зачем — сами не знаем. То звёзды принимаемся пересчитывать, то небо делить — оно моё, на нём мой Бог. Нет, не твоё, а моё, и Бог тоже мой. А звёзды считать никакие счёты не помогут. Костяшек на них не хватит. Когда-нибудь придумают люди такие машины, что смогут считать бесконечно. Но и бесконечности не хватит, чтобы закончить пересчёт. Их больше, чем во всех песочных часах, даже больше, чем песчинок во всех пустынях. Звёздам в небе надо просто радоваться, потому что их дарит нам Всевышний. Вот высшее знание. А нам и простейших знаний не хватает. Ты на каких языках изъясняться умеешь, друг мой Мустафа?

МУСТАФА. Так же, как и ты, абый. На тех, которые в детстве у нас в Каргале выучил. И на татарском, и на русском. Хотя на русском плоховато.

АХМЕД-БАЙ. А гость наш и по-русски, и по-немецки, и на своём еврейском. И по-татарски, как я понял, чуть-чуть понимает.

МУСТАФА. Он к нам изда-лека прибыл. Там другая жизнь. Тесная. А у нас степь. Скачи до края — не доскачешь.

АХМЕД-БАЙ. Нельзя нам жить, как прежде жили. Видишь: песок бежит и бежит. Как его остановить? Молиться, чтобы время остановилось?

Только кому? Ты знаешь, о чём нас спросят в Судный День? Думаем мы: сколько денег накопил, расшитую ли тюбетейку носил? Сколько баранов смог съесть? Нет! О молодости спросят, о том, как её потратил. Где деньги, что заработал, честно ли накопил? Что смог познать? Что совершил, узнавши?

МУСТАФА. И не поспоришь... Любое дело знания требует. Соберёшься запрягать, подойдёшь к жеребцу с хвоста и получишь копытом по этому самому месту.

АХМЕД-БАЙ. Вот-вот! Так и Всевышний нас иногда вразумляет. Ступай. Прикажи, чтобы запрягали. Да чтобы кучер не с хвоста заходил. (Смеётся.) Поеду в медресе. Надо посмотреть, как дела идут. С учителями познакомиться хочу.

(Мустафа уходит.)

АХМЕД-БАЙ. Медресе-медресе... Хотел когда-то и я стать шакирдом. Да не привелось...

Загорается большая люстра над столом, за которым собрались трое братьев: Ахмет, Гани, Махмуд. Вместе с ними Габдулла — благочестивый сверх меры торговец. Братья уже не те молодые ребята, что месили кизяк. Они повзрослели. Солидные, состоявшиеся предприниматели.

ГАБДУЛЛА. Ай, хорош чай, уважаемые! Чувствую, прямо из Кяхты доставлен совсем свежий. Так был пил и пил...

АХМЕД. Спасибо большое за слова. С такими словами и чакчак не требуется. От одних слов сладко делается. Чай — чудо, душа не нарадуется. Особенно если от души угощают, а гости благодарят. Однако вернёмся к главному.

ГАБДУЛЛА. Да, уважаемый Ахмед, и ваши слова подобны иранской пахлаве! Однако нет! Сто раз нет! Вы меня пригласили на серьёзный разговор. А разговор ни о чём. Не наша это забота! Мы купцы! Я всяким товаром торгую. Вот это — дело! Если на то пошло, можем объединить капиталы. Мои магазины есть в Нижнем, в Казани, как у вас, досточтимый Ахмед! На Макарьевской ярмарке торгую, в Ирбите торг хороший, Кунгур, слава Аллаху, прибыль даёт приличную. Если объединимся, можем хорошую дорогу хоть через всю Сибирь проложить. А ещё поставить артели на Аральском море. Там рыба сама на берег выходит и в голос кричит: «Возьми меня». В Казалинске и Гани дело ведёт. Вот бы нам объединиться! Мы тогда сможем русских торговцев-староверов даже на Волге потеснить. А вместо этого, братья, предлагаете мне заниматься тем, чем мулла в мектебе заниматься должен. Наше дело — торговое. Сам Пророк начинал свой путь в юные годы с торговыми караванами. И молодёжь должна идти таким же путём, а не за партой просиживать. Это ведёт к разврату!

АХМЕД. Габдулла-бай, уважаемый! Кто спорит? Мулла должен учить детишек в школе при мечети. Это правда. Но мы хотим построить большое медресе. Современное.

ГАБДУЛЛА. Кому это надо? Наши предки, слава Аллаху, жили без этой учёности много-много лет и процветали. А вы что предлагаете? Физику какую-то... политэкономию... геометрию. Понимаю, когда про арифметику... В лавке считать уметь надо! А вы ещё и географию! Это обновленчество. Его сам иблис нам насылает! А оно опаснее всего. Обретём новое, да старое, исконное растеряем. А ещё женщинам волю и образование собрались дать! А женщинам дай волю — ни одна география не поможет место найти, где от них, таких вольных, спрятаться.

ГАНИ. А что, уважаемый, разве юриспруденция не нужна? Сейчас куда ни ступи — везде закон.

ГАБДУЛЛА. Именно! Законы эти попереёк горла. Привычнее по шариату жить. И астрономия нам, татарам, зачем? Какой прок от того, что мальчишки начнут на небо глазеть? Пока будут звёзды пересчитывать, выгода из кармана по копеечке утечёт. В мечети муфтий чистую истину говорит: до добра обновленчество нас не доведёт. Чем ближе к наукам разным, которым в этом вашем медресе учить собираетесь, тем дальше от Аллаха. И лишние языки... Понимаю,

когда арабский. А немецкий зачем нашим татарчатам? Я вот вырос и никакого немецкого не учил. И, слава Аллаху, сыт и в тепле живу. А русский язык? Один разврат. Многие согласны и так же думают, многие. Зачем на чужие языки столько времени изводить? Так мы скоро татарам, правоверными мусульманами быть перестанем!

МАХМУД. Позвольте заметить: русскому языку будут учить основательно. Писателей русских читать: Пушкина, Достоевского...

ГАБДУЛЛА. И-эх! На русский язык времени выделено больше, чем на татарский! Куда годится!

АХМЕД. О чём спорим? Мы где живём, правоверные? В России. Задумаем в Уфе дело завести — тут нас и без переводчика поймут. И с киргизами объяснимся, и в Бухаре не онемеем. А с грузинами и армянами? А в Царстве Польском? В Гельсингфорс нас зазывают... А Москва? Москва, как говорят, бьёт с носка. Не говоря уже о Санкт-Петербурге, где с самим царём-батюшкой на одном языке объясняться нужно. А германцы? А французы? Всякий раз толмача искать? Из нашего медресе должны выходить учёные люди, не нам чета. Много знающие, образованные. В одной руке у них должен быть повод могучего Восточного скакуна. А в другой — от столь же могучего Западного. Образование и есть те поводы. Кто нас

тогда, если мы одвуконь, догонит, кто одолеет?

ГАБДУЛЛА. Хорошо говоришь, Ахмед. Сладко. Но Аллах милосерд: всего, что мне лично нужно, даёт с избытком. На мой век моих знаний хватит. А тебя Всевышний за вольнодумство накажет. Вот увидишь. Дело ваше захиреет, по миру побираться пойдёте, если против всей уммы выступите. Придётся в Курбан-байрам мясом вас из милости оделять. Вот увидите, так и будет, чтобы с голода не умерли! Позволь откланяться. Знать вас больше не хочу. (Смотрит на карманные часы, уходит.)

АХМЕД. Как знаешь, Габдулла.

ГАНИ (после ухода). Жаль. Не видят такие, как он, завтрашнего дня. словно бельма на глазах.

МАХМУД. Мне нисколько не жаль. Это только слепому с рождения надо помочь овраг перейти по узкой доске. А у них глаза зажмурены. Не хотят из-за своего дувала на мир взглянуть. И денег Габдулле, по-моему, просто жалко... Зато часы у него на цепочке золотой — только медведя на такой цепи по ярмаркам водить.

АХМЕД. Пророк сказал: «Он (Аллах) дарует мудрость, кому пожелает, и тот, кому дарована мудрость, награждён великим благом. Однако понимают назидание только обладающие разумом».

МАХМУД. Ушёл и деньги свои унёс. А мы-то понадеялись силы объединить...

ГАНИ. Он и не приносил. Деньги, братья, вот они. (Высыпает из кошелька на стол горсть монет.)

АХМЕД. Я смотрю — серебряные... Ты никак разбогател, Гани, пока в Бухару ездил? Там, помню, в саду у эмира карагач растёт. С виду совсем как в Каргале, только тенге серебряные вместо листьев на ветках...

МАХМУД. Если это правда, брат, поспевай, чтобы не срубил. Туда чиновники из Петербурга нацелились... А у чиновников по два топора за поясом.

ГАНИ. Пока не разбогател. Но можем все втрём богаче стать, если соединим усилия.

МАХМУД. Это как?

ГАНИ. В Бухарском ханстве по царскому указу тенге при расчётах отменяются. Вводится российский рубль.

МАХМУД. Нам что за печаль? Проще станет торговать.

ГАНИ. Тенге подлежат обмену или выкупу. Если их начать покупать...

МАХМУД. Брат! Зачем?

ГАНИ. Монеты-то серебряные. Там и золотые тенге в обороте есть. Пробы хорошие. Цена при обмене тоже хорошая — 15 копеек за тенге. Так вот: покупаем монеты как серебро, пускаем в переплавку и затем на украшения ювелирные... Чистая прибыль.

АХМЕД. Ты, дорогой брат Гани, настоящий татарин! Ничего мимо рук не пропускаешь.

ГАНИ. А то!!! Ты сам учил производством заниматься. Откроем ювелирное производство.

МАХМУД. У тебя, брат, на бойне, когда скот забивают, всё в оборот идёт?

ГАНИ. Да, представь, ничего не упускаем.

МАХМУД. Кое-что пропадает...

ГАНИ. Неправду говоришь, брат! Ничего не пропадет!!!

МАХМУД. А мычанье коровье? Попусту ветер уносит. Чистый убыток...

АХМЕД. Ну, пошутили и хватит! Дело с серебром надо обмозговать как следует. А что касается богатства... Мы, слава Аллаху, люди не бедные. А стараться разбогатеть любой ценой — всё равно, что воду в решете носить: не наносишься. Важно знать, как заработать, и ни копейки из рук не упустить. А ещё важнее — с толком потратить.

МАХМУД. Хорошо наша типография заработала, прибыльным дело оказалось.

ГАНИ. Думаю, пришла пора книги покупать для библиотеки. И на татарском языке, и на русском, и учебники предусмотреть в полном объёме по намеченным предметам, которые шакирды изучать будут. Я уже послал своих людей и в Москву, и в Санкт-Петербург. И в Оренбурге магазин откроем в самом центре, на Николаевской, в Гостином дворе.

АХМЕД. Разумно. Только чтобы по цене книги были для шакирдов доступными.

МАХМУД. Книги покупные — дело хорошее. Но я считаю, что книги здесь, в Оренбурге, издавать надо. Открыли для этого типографию. Шрифты я выписал и татарские, и русские. А тех, кто книги пишет по-татарски, поддерживать буду денежно.

ГАНИ. Вот-вот! И без того, брат, тебя вольнодумцем кличут. Поговаривают, за тобой жандармы негласный надзор учредили. Навлечёшь на нас беду. Тем более есть кому доносить. Габдулла сейчас, уходя, аж слюной брызгал от негодования. Не боишься?

АХМЕД. Когда-то в школе, у нас в Каргале, я заучил первый аят: «О вы, которые уверовали, терпите и будьте терпимыми, будьте стойки и бойтесь Аллаха — может быть, вы будете счастливыми».

ГАНИ. Братья, от умных речей на пустой желудок скулы сводит. Поедем в «Европейскую». Там купец Ладыгин — знаете его — ресторацию открыл. Повара французского пригласил. Говорят, консоме, жульен из дичи и бёф-бульи — умопомрачительные. За обедом и продолжим.

АХМЕД. Ишь, чего вздумал — шайтана расточительством радовать! Какие деньги придётся платить за это консоме!

МАХМУД. Гани! Ты с ума сошёл. Братец наш старший

даже в Москву со своим харчем ездит.

АХМЕД. Смейся-смейся. Да только вспомните: папаша наш старался жить широко. Гулял — и всё прогулял. А я, чтобы выжить, сусликов по степи ловил. Каждый суслик — и шкурка, и немного мяса... Сколько я вас учу: копейка рубль бережёт! А про Москву и говорить нечего. Там цены, как нож у разбойника с лесной дороги.

Входит Аиша, жена Ахмеда.

АИША. Ахмед, дорогой мой, приглашай братьев отобедать.

ГАНИ. Чем потчевать будешь, жинге-апа?

АИША. У нас всё как всегда, попросту, по-каргалински.

ГАНИ. Значит, токмач будет?

АИША. И токмач, и эпочмаки...

МАХМУД. А кыстыбыи? Ваша кухарка очень вкусные печёт.

АИША. Всё будет. Поторпливайтесь в столовую, чтобы ничего не остыло.

АХМЕД. Вот! Это вам не консоме в «Европейской» — шайтана тешить!

Свет на сцене гаснет. Ахмед-бай у своего стола.

МУСТАФА. Ахмад-абый! Газету свежую принесли.

АХМЕД-БАЙ. Давай-давай, хотя бы в руках подержу. И прав-

да, свежая... как хорошо краской пахнет. Радостно. Работает наша типография. Смотри: буквы, как зёрнышки по полю. Каждое взойдёт. Одна печаль — прочесть не могу. А название у газеты хорошее — «Время». Нас, татар, в Оренбурге ни много ни мало — 16 тысяч. На каждого по зёрнышку — по газете или по журналу.

МУСТАФА. Да, идут круги по воде...

АХМЕД-БАЙ. Всякое новое дело словно праздник. На душе радостно становится. Время работает на нас. (Переворачивает часы.) А всё же в молодости у нас в Каргале веселее было. И денег много не требовалось...

Заиграла простая деревенская гармошка. Звучит мелодия песни «Ай, былбылым» («Соловей»). Эта песня будет сопровождать Ахмед-бая по всему ходу спектакля.

АХМЕД-БАЙ. Мне тогда казалось, само небо распахнулось пред нами.

Загорается свет в глубине сцены. Вместе, рука об руку, Ахмед и Аиша.

АХМЕД. Смотри, любимая, сколько звёзд на небе. И столько же в Сакмаре отражаются. Все до одной для нас с тобой. Вот тебе мой маленький подарок! Дай руку.

АИША. Колечко! Ой, какое большое и красивое! Золотое?

АХМЕД. Медное. Зато позолоченное. Мы пока с тобой бедные. Но я разбогатею, вот увидишь. Мы с братьями большие дела затеваем, и всё у нас получится. Вот тогда...

АИША. Ты правда любишь меня?

АХМЕД. Мне кажется, я среди звёзд...

АИША. Знаешь, милый, я мечтаю... ой, стесняюсь говорить... у нас с тобой будет много детей, сыновья и дочери... И мы будем вместе с ними сюда приходить смотреть, как в Сакмаре, в чистой воде, солнце отражается, играет...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Утро начинается с паровозного отдалённого гудка. Ахмед-бай на своём рабочем месте. Возле стола Мустафа.

МУСТАФА. Как утренний азан этот паровоз.

АХМЕД-БАЙ. Помнишь, как в Каргале по утрам петухи кричали? А теперь паровоз. Сказано: «Не ругай петуха! Он тебя разбудил для молитвы».

МУСТАФА. Аллаху акбар!

АХМЕД-БАЙ. Из Ташкента петух прибыл?

МУСТАФА. Именно. Кукарекает по расписанию. Наш Хаким-дворник никак не привыкнет к паровозам. Каждый раз, как услышит, повторяет: шайтан-арба едет, прежнее время

кончилось, настают последние времена.

АХМЕД-БАЙ. Он пророк, наш Хаким, люблю с ним говорить, когда минута выпадает. Христиане называют наше время двадцатым веком. Тысяча девятьсот шестой год наступил с того дня, когда, по их Книге, пророк Иса родился. А времена и правда страшные уже настали. Какая война была с японцами! Сколько наших людей, и русских, и татар на море и в Манчжурии погибло... Какие новости, Мустафа?

МУСТАФА. Две новости. Эта шайтан-арба, что сейчас гудела, привезла из Ходжента хлопок — наши шесть вагонов. Но его разгружать не будут. Они напрямик проследуют в Москву на фабрику. Вторая новость — не новость. Завтра четыре вагона с черевами бараньими, засоленными в бочках, поедут в Санкт-Петербург. А там...

АХМЕД-БАЙ. Да-да, известным путём на корабль и в Германию — немцам оболочку на колбасу их любимую делать.

МУСТАФА. Всё остальное как обычно. Ой, забыл, ради Аллаха прости.

АХМЕД-БАЙ. Что стряслось?

МУСТАФА. Бумаги из банка пришли. На счёт пятьдесят тысяч поступило из Лондона.

АХМЕД-БАЙ. Деньги-деньги... Кто бы молодые годы вернул, когда я на лошадь безо

всякого стремени вскакивал. А ещё тех, кого с нами уже нет... Деньги-деньги! Есть, слава Аллаху, в этом мире и то, что ни за какие золотые монеты не купишь... Хорошо, ступай! Потом приглашу, когда Абдулла-приказчик придет с финансовыми бумагами.

Мустафа уходит. В глубине сцены загорается свет. В луче света возникает мать. Ахмед-бай и она разговаривают друг с другом, общаясь как бы не впрямую.

МАТЬ. Ахмед, сынок!

АХМЕД-БАЙ. Мамин голос... Мама...

МАТЬ. Сынок! Там у вас на земле сейчас зима. Наверное, буран. Ты не мёрзнешь?

АХМЕД-БАЙ. Мама, мама, я здесь...

МАТЬ. Я знаю, что вы там, на земле, нас не слышите...

АХМЕД-БАЙ. Я слышу тебя... Аллах милостивый! Как мне до неё докричаться? Как словом перемолвиться?

МАТЬ. Ты ноги в тепле держи, сынок. Маленький был — часто простужался. Ведь справной обувки в доме не было.

АХМЕД-БАЙ. У нас были одни валенки на всех...

МАТЬ. А как весна настаёт, снег тает, — беда. Из дома не выйти...

АХМЕД-БАЙ. Летом хорошо. Босиком можно бегать. Только все ноги в цыпках...

МАТЬ. Ты, наверное, совсем богатым стал?

АХМЕД-БАЙ. Помнишь, как я тебе новый тёплый платок привёз?

МАТЬ. Ахмед, сынок, помогай бедным людям. Ты знаешь, здесь на небе в цене только одно: сколько ты помог бескорыстно. Всё остальное не столь важно. И ноги, ноги в тепле держи. Первое дело, чтобы не застудиться...

АХМЕД-БАЙ. Мама, мама! А сама ты как там? Хоронили тебя зимой. Дни студёные стояли, земля мёрзлая...

МАТЬ. Не забывай, сынок, людям добро делать...

Гаснет свет.

МУСТАФА (входя). Акмангай, жеребец твой любимый, захромал. Левую заднюю бережёт. Придётся теперь старую рыжую кобылку запрягать, если ехать надумаешь. Только опять метель началась. Задувает. Каким отгребёт снег от крыльца — через пять минут опять намело.

АХМЕД-БАЙ. Зовите ветеринара, да хорошего. Ступай. Время-время... Родился я в тот год, когда поэта Пушкина на дуэли убили. (Смотрит как бы в окно.) Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет... Великое дело — паровоз. Сел на шайтан-арбу и поехал... В пятьдесят девятом году набрали мы с братьями товара, навьючили пять верблюдов, и решил я до Бухары дойти.

Свист ветра. Слышны топот коней, крики. Это погоня. На сцене шатёр Нургали-хана. Ахмед и Мустафа стоят связанные.

НУРГАЛИ. Купчишки русские? Из Оренбурга? В Бухару путь держите? Что так мало товара взяли? Пять верблюдов всего... Мои молодцы сейчас хурджины ваши разбирают. (За стенами шатра идёт шумная делёжка захваченного.)

АХМЕД. Правверные из Каргалы. Развяжи руки. Время намаз совершать.

НУРГАЛИ (замахиваясь камчой). Ах ты, собака! Пред моим светлейшеством на коленях стоять надо!

АХМЕД. На коленях только пред Аллахом.

НУРГАЛИ. Ха! И то верно. Язык у тебя дерзкий, однако. (Развязывает.) Эй! (Нукерам за сценой.) Хватит орать! Как зовут?

АХМЕД. Меня Ахмед. А его Мустафа.

НУРГАЛИ. Слуга?

АХМЕД. Друг. Одно дело у нас.

НУРГАЛИ. Купчишки, одно слово... Деньги есть?

АХМЕД. Не разжились пока.

НУРГАЛИ. А разве не преудреждали тебя, каргалинец, опытные караванщики, что ты обязан придорожный ясак платить мне с каждого верблюда?

МУСТАФА. Хан! Так мы только начинаем. Откуда деньги?

НУРГАЛИ. Мне что за печаль?! У нас в степи говорят: баран сам виноват, что зубы у него не такие острые, как у волка. Но... Можно и без денег. Останешься у меня в рабстве, как плата. Мы любого принимаем. В нашем кочевье всяких полно. И русские, и сарты, и ты, татарин, теперь будешь. А твой друг заплатит, когда разбогатеет, если сможет, — ха-ха-ха — тогда отпусти. А не заплатит — в Хиву тебя продам. Пойдёт?

АХМЕД. Давай, хан, поторгуемся.

НУРГАЛИ. Ха! В Каргале все такие шустрые?

АХМЕД. Есть и пошустрее. Не в Каргале, так в Оренбурге есть те, кто знает цену.

НУРГАЛИ. Кто же это?

АХМЕД. Хотя бы казаки. Губернатор войско к походу в степь готовит.

НУРГАЛИ. Степь велика. Попробуй, поймай.

АХМЕД. Зачем дело до ловли доводить? Можно и по-другому, как на Меновом дворе. Ты — мне. Я — тебе. Ты, хан, отпускаешь нас с Мустафой, и всё, что твои молодцы сейчас делят, выучат опять на наших верблюдов. Мы торгуем в Бухаре, и на обратном пути ты на верблюдов грузишь, сколько соберёшь в округе баранных кишок. Мы тебе за это платим и впредь будем платить за такой товар твёрдую цену. А ещё за охрану наших караванов.

НУРГАЛИ. Интересно... Кишки? Бараньи? Зачем они тебе?

АХМЕД. Это мой интерес, хан.

НУРГАЛИ. А цена какая?

АХМЕД. Цена — дело полубовное.

НУРГАЛИ. Сначала цену назови. (Ахмед подходит к хану и шепчет ему на ухо.) За кишки??? Не врѣшь, каргалинец?

АХМЕД. Купеческое слово верное. Главное, дело денежное, и никакой охоты за твоей головой и нукерами твоими. А ты, хан, становишься ещё более великим! Баранов-то много по кочевьям.

НУРГАЛИ. Ты надо мной смеёшься?

АХМЕД. Как можно! Разве я не вижу твоего величия? Наоборот, склоняюсь пред твоими умом и силой, о которых вся степь знает.

НУРГАЛИ. Эх, хитёр ты, каргалинец! Ладно, отпущу. Только не обмани. Саблю мою многие шеи знают.

Вновь звучит паровозный гудок, возвращая нас в 1906 год.

АХМЕД-БАЙ. Мустафа! А ты не забыл, как мы с тобой от этого разбойника степного ноги унесли? Он таким важным стал. Теперь в Оренбург приезжает на арбе. А на коня ему и не взобраться. Да и конь его не выдержит. Веса в нём теперь пудов шесть, а ещё чапан на вате.

МУСТАФА. Думаю, поболее шести пудов. Главный постав-

щик бараньих черевов со всего Младшего жуза.

АХМЕД-БАЙ. В молодые годы мы с тобой отчаянные ребята были. Видно, Аллах нас хранил. А теперь какие чудесные времена настали! Садись в вагон, можно чай заварить, а поезд везёт за тыщу вёрст. И туда безопасно, и по дороге назад с тебя шубу вместе с головой не снимут. Мустафа!

МУСТАФА. Слушаю, абый!

АХМЕД-БАЙ. Нравится тебе на поезде ездить?

МУСТАФА. Нет!

АХМЕД-БАЙ. Интересно, почему?

МУСТАФА. Слишком быстро едет. Не успеваешь подумать о своём, а уже приехал. Другое дело на лошадке или на верблюде. Едешь и думаешь. Мыслям просторно.

АХМЕД-БАЙ. Мир меняется, Мустафа! Дальше всё будет ещё быстрее.

МУСТАФА. Это и пугает, Ахмед-абый. Только вчера, как молодой жеребец, скакать был готов. А сегодня думаешь: хорошо бы копыта, как галоши с ноги, не свалились...

АХМЕД-БАЙ. Ступай. Пусть кашу подадут. Завтракать хочу. (Мустафа уходит.) Прав мудрец каргалинский... А в молодые годы всё было нипочём...

И вновь мы возвращаемся в прошлое. В глубине сцены Ахмед и Аиша.

АИША. Слава Аллаху! Слава Аллаху! Ты живой!

АХМЕД. А ты, любимая, что? Уже и не ждала меня домой?

АИША. День и ночь молилась Всевышнему... Вы в такую даль отправились. Степь дикая, пустыня...

АХМЕД. Не такая уж и дикая.

АИША. Тётушка Раузия сказывала, что там разбойники за каждым барханом, караваны останавливают, грабят, караванщиков убить могут или в рабство продать в Хиву. Мне и сны такие страшные снились... Однажды приснилось, как тебя связали и к самому свирепому привели на казнь.

АХМЕД. Тётушка расскажет... Там всё совсем не так... Помню, на пятый день едем мы, едем, и вдруг из-за бархана...

АИША. Ой!

АХМЕД. Да! Представь себе: пятнадцать всадников на ахалтекинцах. Все с саблями, нам наперерез.

АИША. А вы с Мустафой на верблюдах...

АХМЕД. Не ускачешь...

АИША. Такое именно мне и снилось... И зачем вы поехали! Далась вам эта Бухара проклятая!

АХМЕД. И представь, догоняют они нас. Приказывают с верблюдов сойти.

АИША. Жуть!

АХМЕД. И предлагают баурсаков отведать и айран выпить.

АИША. Отравленные, наверно?

АХМЕД. Хуже... Мы отнекиваемся. Мол, дорога дальняя, торопимся, не до айрана...

АИША. А они?

АХМЕД. Приглашаем, говорят, в гости к нашему хану. Такой у нас обычай. Добром не хотите — силой отведём.

АИША. А вы...

АХМЕД. Против силы не попрёшь. Прибыли в шатёр к хану. И тут началось самое страшное. Усадили за дастархан. Начали бешбармаком угощать. А баранина жирнющая! Едим бешбармак через силу — отказываться нельзя. За спиной нукеры с саблями наголо. Не будешь есть — могут голову снести. Еле управились. Потом подали чай и лепёшки с мёдом.

АИША. А мёд в пустыне откуда?

АХМЕД. Да там за каждым барханом пасека. Мёд саксауловый. Но пчёлы кусучие. Запросто до смерти закусать могут...

АИША. Ну, это не так страшно. Пчёлы дыма боятся. Сосед наш в Каргале Юсуф-абый пчёл держал и жил до девяноста лет. В семьдесят восемь ещё раз женился и дочку прижил.

АХМЕД. А дальше началось самое страшное.

АИША. Я так и знала, что добром ханский дастархан не кончится.

АХМЕД. Хан сказал, что я должен жениться на его дочери, иначе моя голова с плеч.

АИША. И ты согласился?! Она хоть красивая? Красивее меня?

АХМЕД. Не успел увидеть.

АИША. Что случилось?

АХМЕД. Проснулся. Жарко. Сидишь меж верблюжьих горбов, качаешься, в сон тянет. Вот и приснилось...

АИША. Обманщик! Напугал меня! А в Бухаре тебя не пытались женить? Там девушки, говорят, красивые.

АХМЕД. Там все красавицы под чадрами. Да и некогда было нам по сторонам смотреть. Вот и тебя только по ночам вспоминал. А ещё, любимая моя, тебе подарок. Вот! (Достаёт из-за пазухи халата платок, а в него завернуты кольцо и серёжки.) Это бирюза бадахшанская.

АИША. Ой! Какая красота! Можно я примерю? Подержи зеркало. Дорогие?

АХМЕД. И не спрашивай! Но камень не простой, бирюза, как летнее небо, в холодное время тепло излучает. Уеду куда-нибудь, а её тепло с тобой рядом всегда будет.

АИША. Только больше не ездь туда, где тебя будут на ханской дочке женить.

Вновь паровозный гудок возвращает нас в настоящее.

АХМЕД-БАЙ. В молодые годы всё нипочём: и любилося, и пелось, и шагалось, и верилось легко. А теперь... Мустафа!

МУСТАФА. Слушаю, Ахмед-абый.

АХМЕД-БАЙ. Что там с кашей?

МУСТАФА. И каша на столе, и самовар вскипел. И чай заварен. И Аиша-апа сейчас выйдет.

АХМЕД-БАЙ. Каша-каша... Как думаешь, беды, что мы претерпеваем, по чьей воле происходят?

МУСТАФА. Вот и я об этом размышляю: в прошлую пятницу разулся, прежде чем в мечеть войти, намаз совершить. Ичиги снял, как положено. А когда домой собрался, обуться забыл — в голове, видно, затычка ослабла, всё из неё высыпается. Опомнился, когда на порог ступил. А там снег... Кого мне ругать: того, кто над нами выше самого высокого минарета, или себя самого?

АХМЕД-БАЙ. Да... вопрос... За что только? За что наступают нас беды? А плохого нам с тобой, друг мой, хватило за жизнь... (Как бы пытаюсь преодолеть печаль, Ахмед-бай начинает напевать: «Ай, былбылым». Заслышав пение, Мустафа начинает подпевать.)

Тем временем на сцене смена декораций. Появляется кабинет чиновника высокого ранга в Оренбурге. Стол, два кресла, портрет императора Александра III. За столом чиновник в эпохах. Входит Ахмед. Он уже немолод, но по-прежнему бодр.

АХМЕД. Саям алейкум, Ваше Высокопревосходительство.

ГЕНЕРАЛ. Чем обязан, уважаемый Ахмед...

АХМЕД. Ганиевич. Но можно просто Ахмед.

ГЕНЕРАЛ. Как успехи в ваших делах?

АХМЕД. Иншалла. Учредили Торговый дом в Лондоне. Теперь и там об Оренбурге знать будут.

ГЕНЕРАЛ. О нашем городе англичане давно наслышаны. Сколько их в Бухаре, Самарканде, Хиве то под видом купцов, то под видом советников разных обретается. Беспокоятся издавна в Лондоне, что россияне через Оренбург до Индии доберутся, их потеснят.

АХМЕД. Мы это чувствуем.

ГЕНЕРАЛ. Каким же образом?

АХМЕД. Немало они в Калькутте рогаток наставили, когда мы со своей торговлей пришли. Индийцы рады, всей душой навстречу, а чиновники, Ваше Высокопревосходительство, английские, как слышали, что мы из России, напряглись. Одно отраднo: мы мусульмане, а в тех местах мусульман много. С ними завязываем узелки.

ГЕНЕРАЛ. А могут ли ваши доверенные подчинённые подробнее изложить на бумаге то, с чем столкнулись в Индии? В Санкт-Петербурге весьма заинтересованы в известиях от верных

людей. Такая услуга, смею уверить вас, Ваше степенство, будет высоко оценена.

АХМЕД. Неделю тому назад вернулся из тех мест мой человек. Прибыл с караваном через афганские земли.

ГЕНЕРАЛ. Он грамотен?

АХМЕД. Вполне. Учился в Мекке и в Каире. Знает арабский. Пока был в Индии, в тамошнем языке изрядно поднаторел.

ГЕНЕРАЛ. И прекрасно. А что, уважаемый Ахмед, привело вас ко мне? Торговый интерес?

АХМЕД. Ваше Высокопревосходительство, я услышал, в Оренбурге задумали построить большой православный собор.

ГЕНЕРАЛ. Да. Такая задумка есть. Наши два храма, кафедральный Преображенский и Введенский, что на набережной Урала, стали тесны. Население в городе растёт. А в чём ваш интерес, уважаемый Ахмед-бай?

АХМЕД. Хотели бы и мы участвовать в строительстве.

ГЕНЕРАЛ. Мне докладывали: вы с братьями вашими много средств вкладываете в строительство мечетей и школ для мусульманских детей.

АХМЕД. По мере наших скромных сил, Ваше Высокопревосходительство. Народ истосковался по просвещению. Грамота, основы вероучения — этим укрепляется всё: и семья, и страна. Лиши людей просвещения, пустое место в душе займут дикость и зломыслие.

ГЕНЕРАЛ. Суждения похвальные. Но православный храм???

АХМЕД. Наши предки родом из Казанской губернии. При губернаторе Неплюеве переехали сюда, на берег Сакмары, в Сеитовский посад, по-теперешнему Каргалу. Укоренились. Слава Аллаху, милостивому и милосердному, жили мирно с соседями. От разбойника Пугачёва укрывались за крепостными стенами в Оренбурге. А потом опять вернулись в Каргалу, были купцами. Добрый мир надо хранить, тем более в Коране сказано о пророке Исе и Матери его Марьям... А тут речь зашла о соборе. Купцы оренбургские, обыватели городские начали деньги в складчину собирать по предложению Вашего Высокопревосходительства. Потому и мы решили в общем деле участвовать.

ГЕНЕРАЛ. Денежно?

АХМЕД. Мы откупили на горе Маяк участок и добываем известняк. Хороший, без примесей. Складываем его в гасильные ямы. А потом в гашённый добавляем сырые яйца. Получаются крепкие камни. Из таких стену кладут на мусульманском кладбище, что на Уфимском тракте. Такие же камни пустим на фундамент собора, это будет наш вклад.

ГЕНЕРАЛ. Идея похвальная. Необходимо составить договор о дарении...

АХМЕД. Ваше Высокопревосходительство! Прошу покорно: никаких бумаг писать не надо. Наш вклад — дело вакуфное, добровольное, угодное Всевышнему и лишь ему подотчётное. А слово наше — купеческое. На таком слове земля держится.

ГЕНЕРАЛ. Хорошо, Ахмед-бай. Что-нибудь необходимо от меня взамен?

АХМЕД. Позвольте только откланяться и пожелать Вашему Высокопревосходительству здоровья и благоденствия.

Кабинет генерала растворяется во тьме.

АХМЕД-БАЙ. Мустафа!

МУСТАФА. Бегу, абый!

АХМЕД-БАЙ. Что на базаре говорят о том, что мы на православный собор тратимся?

МУСТАФА. В газете вроде бы хвалят...

АХМЕД-БАЙ. Газету в нашей типографии печатают... Другое дело — базар. Там каждого по косточкам разберут, каждую косточку в кипятке промуют и цену определяют...

МУСТАФА. На базаре говорят: лишь бы баранина не дорожала перед Курбан-байрамом. А храм... так ведь и мечети растут, небо полумесяцем подпирают. Вон какая красавица возле медресе поднялась на Гостинодворской! А хотите, у Фатимы спросим, что на кухне управляется?

Она и на базаре, и с соседками трещит, чисто сорока лесная.

АХМЕД-БАЙ. Позови.

МУСТАФА. Фатима! Фатима! Поди-ка сюда! Ахмед-бай зовёт.

Входит Фатима, немолодая женщина.

ФАТИМА. Вот она я, Ахмед-абый. Если про яйца речь, не виноватая я за яйца. Это всё Фатых. Я ему говорю: не гони; а он гонит, знай мерина настёгивает, а мерин чисто как сам Фатых, такой же неслух, взбрыкивает и взбрыкивает, а он кнут не опускает, а он взбрыкивает, и всё по ухабам, снегу-то навалило, а я кричу, а они не слушают.

МУСТАФА. Кто?

ФАТИМА. Я же по-татарски ясно говорю: мерин меня не слушает, и Фатых как мерин, только мерин чубатый, а у Фатыха лысина. И они сани опрокинули, меня в сугроб вывалили и корзину с яйцами, как ни берегла, к груди прижимала, вывалили, да под меня она угодила. И яйца подавились, а я их на базаре брала, каждое проверила на ощупь и на свет, только что не облизывала, все четыре десяточка. Я встаю — вся в яйцах, а они обржут.

МУСТАФА. Кто?

ФАТИМА. И мерин, и Фатых.

АХМЕД-БАЙ (отсмеявшись). Ну, хватит! Что на базаре говорят?

ФАТИМА. Говорят, в одной немецкой деревне, что за Переволоцким, коровы новые немецкие появились. У каждой по два вымени. И молока вдвое дают. Молоко жирное. День постоит — и сверху не сливки, а сразу масло на четыре пальца.

МУСТАФА. Про коров потом, а что говорят про то, что Ахмед-бай православным помогает церковь строить?

ФАТИМА. Ничего и не думают говорить. Один Шарифьян-мясник недоволен. Говорит, как только для неверных собор достроят, халяльным мясом торговать запретят.

АХМЕД-БАЙ. Не смей эту глупость повторять. Поняла?

ФАТИМА. Поняла-поняла. Теперь всем расскажу, что халяльным будут торговать, но только не рядом с собором.

МУСТАФА. Лучше совсем молчи.

ФАТИМА. Хорошо, Мустафа-абый. Пошла молчать про то, что халяльное никто не запретит. (Уходит.)

АХМЕД-БАЙ. А православные?

МУСТАФА. Православные говорят: «Да не оскудеет рука дающего».

АХМЕД-БАЙ. У нас — закят. У них — милостыня. Я, конечно, не улем и даже не мулла в каргалинской мечети. От большой учёности не страдаю. Хотя в детстве много аятов из Корана наизусть заучил. И до сих пор в голове они живут. Но в простоте

своей думаю, что мы одному Все-
вышнему молимся. Только язы-
ки разные. Тот, кто нам жизнь и
языки различные подарил, всех
понимает. Скажи: Аллаху акбар!
Скажи: Господи Иисусе! Все-
вышний поймёт, если с добрыми
намерениями произносишь и до-
брое дело творишь.

МУСТАФА. Ярый-ярый, Ах-
мед-абый! Тебе в самой Бухаре
самым главным улемом можно
быть.

АХМЕД-БАЙ. Мустафа, уй-
мись! Повторю за Пророком: «Я
всего лишь раб Аллаха...» (Оста-
ётся один в размышлениях.)
Вот жизнь моя, как песчинки в
часах. Сколько их! Как долго
будут струиться ещё? И за ка-
ждую придётся отвечать на том,
последнем суде...

Входит Аиша, жена Ах-
мед-бая. Она также немолода, но
спину держит ровно.

АИША. Спешу доложить
тебе, дорогой мой муженёк. Се-
годня кормили в столовой нашей
шестьдесят восемь человек.

АХМЕД-БАЙ. Меньше, чем
вчера...

АИША. Да. Готовили на сто.
Но метель третий день метёт...
Многие бедняги попрятались. А
те, что до столовой дошли, про-
мёрзли до костей. Двое обморо-
зились. Много, много голодных.

АХМЕД-БАЙ. Беда...

АИША. Помощницы мои по-
могают. У нас два горшка с гуси-
ным жиром топлёным припасено

для таких случаев. Намазали им
отмороженные уши и пальцы на
руках. Вообще хорошо, что ко-
митет наш женский мусульман-
ский продолжает собираться.
Начинали во время войны, когда
тем, кто в Манчжурии воюет, по-
могали, посылки им слали и за
увечными воинами в госпитале
ухаживали. А теперь вот — голо-
дающим.

АХМЕД-БАЙ. Плохой год
выдался. Неурожайный. Потя-
нулись люди из деревень в го-
род. А тут и своих бесприютных
хватает... А что за народ?

АИША. Всякий. И татары, и
русские. Киргизы — двое. Они-
то и поморозились. Сначала все
молча ели, торопились горячее
похлевать. А когда наелись, по-
веселели, разговаривать стали,
благодарили. Те, что оренбург-
ские, тебя славили. Знают, кто
милосердствует.

АХМЕД-БАЙ. Меня за что...
Всевышнего благодарить надо...
За всё, что он посылает нам. И
за милости, и за невзгоды.

АИША. И за невзгоды???

АХМЕД-БАЙ. Аллах посы-
ляет их в научение. Крепость
веры нашей испытывает. Смо-
жем ли людьми оставаться, ког-
да удача подвалит? Или даже
слово «закят» позабудем, а паль-
цы на руках в железные крючья
превратятся. Только грести и
грести, и всё под себя... И нас с
тобой, дорогая моя, испытывает.

АИША. Я не одна пришла.
Девочки, помощницы мои, тоже
хотели тебе поклониться.

АХМЕД-БАЙ. Тогда приглашай.

АИША. Мадина и Лейла, войдите!

МАДИНА, ЛЕЙЛА (кланяясь). Здравствуйте, Ахмед-абый.

АХМЕД-БАЙ. Ах, какие красивые у тебя, Аиша, помощницы! И среди русских девчат красавиц много, а всё же татарки мне всех милей.

АИША. Совсем ты девушек засмущал, Ахмед. Это они сегодня обмороженных лечили. А ещё раньше в лазарете за ранеными ухаживали, которых из Манчжурии привозили.

АХМЕД-БАЙ. Славно! Ну, а дальше куда, красавицы?

МАДИНА. Я, досточтимый Ахмед-абый, мечтаю учиться на врача. Говорят, в Санкт-Петербурге есть Бестужевские курсы, где учат и диплом дают.

АХМЕД-БАЙ. Хорошее дело... Знай, Мадина: поддержку денежно твоё стремление учиться на доктора. Только важно, чтобы не только женщин взрослых училась врачевать, но и детишек. Это очень важно — именно детишек. Знаешь, как много на кладбищах могил, где дети лежат? Денег дам и на дорогу, и на проживание в Санкт-Петербурге. А Лейла? Тоже во врачи собралась?

ЛЕЙЛА. Мечтаю в театре играть. У нас группа тех, кто тоже театр любит. Разучили пьесу Гоголя «Ревизор».

АХМЕД-БАЙ. На татарском языке?

ЛЕЙЛА. На татарском. Нам перевод из Казани переслали. Я роль дочери Городничего выучила. Такая смешная пьеса! Будто про нас написана. Хотели сыграть на публике, да полиция запретила. У нас город какой-то дремучий. В амфитеатре места, где мусульманам сидеть разрешено, кисеёй отгорожены от другой публики. Но мы всё равно спектакль сыграли в одном доме, где гостиная большая. Нам хлопали долго...

АХМЕД-БАЙ. Если долго хлопали, значит, понравилось. Не прекращайте заниматься. Думаю, брат мой, Махмуд-бай, вас под крыло возьмёт. Костюмы-то откуда брали для спектакля?

ЛЕЙЛА. Сами шили из чего придётся.

АХМЕД-БАЙ. И денег на спектакль дадим. И брат мой статью подготовит в газету. Думаю, сможет отстоять вас в разговоре с властями. У татар должен быть свой театр, как и у других народов, на родном языке. Дайте только срок. Сам с удовольствием на представление ходить буду. Как, Аиша, пойдём в театр?

АИША. Ты муж. А я во всём тебе покорная татарская жена. Куда иголка, туда и нитка.

АХМЕД-БАЙ. То-то и оно! А родители ваши, красавицы, что о ваших мечтах думают?

АИША. Мамы девушек у нас в мусульманском дамском благотворительном комитете. Побайваются отпускать, но понимают: время другое приходит.

МАДИНА. Я своих уже почти уговорила, чтобы отпустили.

ЛЕЙЛА. Разрешите откланяться, Ахмед-абый.

МАДИНА. Премного благодарна, никогда доброты вашей не забуду.

Мадина и Лейла, кланяясь, выходят.

АХМЕД-БАЙ. Славные девушки. Хорошо, что ты меня с ними познакомила. Вот что я думаю: надо, чтобы ты начала подбирать девушек, наших землячек-татарок, и начинать организовывать образовательные курсы здесь, на месте. В столицу не наездишься. Да и родителям спокойнее будет. А готовить на курсах надо учительниц для девочек. Пока у нас до этого руки не дошли. Мы всё больше ребятами занимаемся, а ты, умница, нас на правильный путь направляешь. Поговорю с братьями, обсудим, деньги на создание курсов выделим. А Мадина... Как нужны нам доктора, которые малых детишек спасать будут...

АИША. Я знаю, о чём ты думаешь, дорогой мой Ахмед, сейчас... Я тогда двойней тяжела была.

Зажигается свет в глубине сцены. Ветер, снег. На телеге лежит Аиша, укрытая попоной. Рядом Ахмед.

АХМЕД. Потерпи, любимая! Я с тобой! До города недалеко.

Вёрст десять осталось. А в городе доктора. Они помогут.

АИША. Не могу терпеть, ох, Ахмед...

АХМЕД. Аллах, милостивый и милосердный! Помогите! Ну что тебе стоит! Потерпи, потерпи, Аиша!

АИША. Невмоготу терпеть. Смотри, там огонёк. Значит, люди живут. Женщины там могут быть. Сворачивай туда. Без помощи женщин не обойтись...

Свет на сцене гаснет.

АИША. Дочь должна была родиться, и наследник тебе, как мы хотели. Да всё пошло не так. Видно, не судьба... И рожать я больше с тех пор не могла. А ты больше не женился, хотя можно и трёх жён в дом привести, и никакого греха в этом нет.

АХМЕД-БАЙ. Я любил всегда только тебя, ласточка моя.

АИША. Прости меня, любимый.

АХМЕД-БАЙ. Творец предписал судьбу всех созданий за 50 тысяч лет до того, как сотворил небо и землю. Значит, и наша любовь с тобой, и всё, с ней связанное, предопределено Всевышним. А девушки, что привела сегодня, — дети наши с тобой, любимая. И эти девушки, и шакирды, что в медресе науки постигают. Всех по милости своей послал нам Аллах. А мы по мере сил помогаем им вырастать и становиться людьми. Хорошие дети нам на смену растут, к свету тянутся.

АИША. Устала сегодня. К метели спина разламывается. Наверно, совсем старая становлюсь. Я совсем старая?

АХМЕД-БАЙ. Совсем старый — это когда тебя шальной ветер, словно перекаати-поле, по степи гонит. И не за что удержаться. А мы с тобой всю жизнь вдвоём, рука об руку. Неужели думаешь, что я тебя, моя красавица, какому-то ветру позволю увлечь? Мы же каргалинские! Кнотом ремённым с детства подпоясанные!

АИША. Ой, спасибо! Сколько тебя знаю, умеешь красиво слово молвить. Пойду прилягу.

Навстречу ей Мустафа.

МУСТАФА. Ушли девушки. Я их чаем напоил, Ахмед-абый. Хорошо, метель кончилась.

АХМЕД-БАЙ. И дела наши к завершению... Скоро песок в часах закончит пересыпаться... А куда бы ты хотел после всех дел отправиться, дорогой мой Мустафа?

МУСТАФА. Куда-нибудь, где тепло. Чтобы сад, а в нём яблони и спелые яблоки под яблонями... Сижу на лавочке, ноги свои ста-

рые вытянул, и никуда не надо идти. Даже в мечеть.

АХМЕД-БАЙ. А я бы в Каргалу... На Сакмару...

МУСТАФА. Тоже хорошо! На то место, где ты меня своим кушаком из полыньи вытянул, когда я под лёд провалился. Помнишь?

АХМЕД-БАЙ. Тогда лёд на Сакмаре только-только схватился. А уже холодно было. Я тоже хочу в лето. Помнишь, как мы вместе рыбачить ходили?

МУСТАФА. Хоть сейчас готов. У меня удочки который год простаивают.

АХМЕД-БАЙ. У кого раньше клонет?

МУСТАФА. Ясное дело, у меня. У тебя деньги на крючок хорошо идут. А у меня рыба. Особенно голавли.

АХМЕД-БАЙ. Это мы ещё посмотрим... Я одно слово волшебное знаю, рыбацкое. Рыба вся на это слово идёт. И тебе, и мне хватит. Давай удочку...

Они усаживаются, рыбачат. В глубине сцены возникает луч света, в луче мальчик со скрипкой начинает наигрывать мелодию песни «Ай, былбылым».

Свет гаснет.